

Никулина Анжелика Геннадьевна

САКРАЛЬНЫЕ И ПРОФАННЫЕ СМЫСЛЫ ПУСТОТЫ

Автор обращается к фундаментальному понятию онтологии и метафизики в целом, подспудно раскрывая как традиционные, профанные, коннотации пустоты, так и неклассические, сакральные, аспекты таковой. В статье осуществлён компаративистский анализ восточного и западного подходов к осмыслению пустоты: если второй толкует о небытии пустоты, то первый её саму отождествляет с бытием, точнее, с возможностью бытия. В заключение говорится об экзистенциально-антропологическом измерении пустоты, давно уже ставшей измерением нашего собственного внутреннего мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

изучающих собственность, шесть важных функций: мировоззренческую, методологическую, диагностическую, прогностическую, интегративную и дидактическую.

3) Курс пропетоологии будет весьма востребован в современных российских университетах.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Локк Дж. *Сочинения*: в 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 688 с.
3. Орехов А. М., Неугодников А. П. Футурсобственность: горизонты эпохи «Каменного Интернета» // Социум и власть. 2017. № 1. С. 3-16.
4. Орехов А. М., Скачко М. В. Философия собственности как первая предпосылка пропетоологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2015. № 1. С. 163-175.
5. *Собственность в экономической системе России*. М.: МГУ, 1998. 556 с.

PROPERTOLOGY AS AN INTERDISCIPLINARY TREND IN SOCIAL AND LIBERAL SCIENCES

Neugodnikov Aleksei Pavlovich

Moscow

neugodnikovap2016@yandex.ru

The article is devoted to propertology – a global science on property, which discovers intra-disciplinary and transdisciplinary discourses of this institution, summarizes its social practices and develops on their basis a universal social theory of property. Such thinkers as Plato, Aristotle, Locke, Hegel should be considered as predecessors and in many ways founders of propertology. Propertology performs six basic functions regarding special scientific knowledge on property: ideological, methodological, diagnostic, prognostic, integrative and didactic ones.

Key words and phrases: propertology; social and liberal sciences; property; function; interdisciplinarity; philosophy.

УДК 111.81+111.82

Философские науки

Автор обращается к фундаментальному понятию онтологии и метафизики в целом, подспудно раскрывая как традиционные, профанные, коннотации пустоты, так и неклассические, сакральные, аспекты таковой. В статье осуществлён компаративистский анализ восточного и западного подходов к осмыслению пустоты: если второй толкует о небытии пустоты, то первый её саму отождествляет с бытием, точнее, с возможностью бытия. В заключение говорится об экзистенциально-антропологическом измерении пустоты, давно уже ставшей измерением нашего собственного внутреннего мира.

Ключевые слова и фразы: пустота; бытие; небытие; ничто; Дао; Хора Платона; абсолютный максимум Н. Кузанского; Алеф Борхеса.

Никулина Анжелика Геннадьевна, к. филос. н.

Курский государственный медицинский университет

angelica2301@mail.ru

САКРАЛЬНЫЕ И ПРОФАННЫЕ СМЫСЛЫ ПУСТОТЫ

*– Достаточно ль знаком ты с пустотой?
– Вот новости! Такой вопрос излишен.*

И. Гёте. Фауст

Топика пустоты является маргинальной для западного менталитета и магистральной для восточного умо-зрения темой. Для первого – стакан наполовину полон, для второго – он всегда наполовину пуст. Подобного рода дихотомия связана, прежде всего, с этимологическими и семантическими коннотациями, вкладываемыми разными культурными традициями в само это понятие. Определения пустоты варьируются от метафизической бездны (словно всепоглощающая бочка Данаид) и онтологической неизвестности (всё равно что кануть в Лету) до матрицы, в которой потенциально содержится всё, что угодно (как в абсолютном максимуме Кузанца или, как скажем, в борхесовском Алефе; таково Дао). Общим для всех этих дефиниций является то, что категория пустоты рассматривается в привязке к классической бинарной оппозиции «бытие – небытие». Древние греки единогласно сошлись на том, что пустота – «отсутствие присутствия» (ничто; то, чего нет). Если следовать логике буддиста, её можно интерпретировать как «присутствие отсутствия» (ничто, в котором просвечивают частички бытия – дхармы). Самым парадоксальным будет умозаключение даоса: «Пустота есть отсутствие отсутствия» (ничто, которое в перспективе может стать нечем).

Человек западного склада ума «думает шиворот-навыворот» (Г. К. Честертон): вопреки очевидным и неоспоримым фактам он продолжает утверждать “*Natura abhorret vacuum*”. Всё началось с Парменида, отказавшего пустоте в субстанциальности. Его *credo*: «Бытие есть, а небытия нет», – казалось бы, раз и навсегда поставило точку в этом вопросе. Софисты были единственными, кто смог «нажиться» на пустоте. Они обратили внимание на парадоксальность самого понятия: когда мы толкуем о пустоте, предмет обсуждения *якобы* отсутствует. Структура софистической уловки выглядит примерно так: допустим, пустота существует. Получается, пустота – не ничто; следовательно, она – не пустота. Именно на этом и построено большинство античных софизмов. Наиболее наглядно такая логика просматривается в том, что, если равны половины, равны и целые, а значит, пустое есть то же, что и полное. Стремясь пресечь подобные прецеденты, Аристотель намеренно вынес категорию пустоты за скобки метафизики. Стагириту «пустота *кажется* местом, в котором ничего нет» [1, с. 69]. Но на самом деле такого места нет: ведь «место как первая неподвижная граница объемлющего тела существует только вместе с предметом» [Там же, с. 66]. Следовательно, заключает Аристотель, в природе нет пустоты (*в этом плане она – утопия, место, которого нет*).

Пустота – запретная тема и в эпоху Средневековья. Идея необъятной пустоты, с которой под стать справится только всемогущему Богу (ведь первоначально «земля была безвидна и пуста» (Быт. 1:2) и лишь впоследствии, после акта творения, возникло бытие и сущее), пугала ограниченный человеческий разум. Христианскую *horror vacui* тонко и точно обыграл Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» [13, с. 534]. Рассуждениям о «внешней» пустоте материального мира средневековый богослов предпочёл размышления о преодолении «внутренней» пустоты своей души. Последнюю он заполнял чтением Священного Писания (как это делал Фома Аквинский), или же искал утешения в философии (такой путь избрал себе Северин Боэций). В эпоху Возрождения гуманисты вознамерились бороться с пустотой собственными усилиями: «Как бог – творец реальных сущностей и природных форм, так человек – творец мысленных сущностей и форм искусства» [4, с. 99]. Закат Ренессанса отмечен концепцией Н. Кузанского: философ не говорит прямо о пустоте, но в работе с характерным названием он вводит специальное понятие «возможность-бытие» [5, с. 146], в котором пустота так или иначе угадывается. Нетипичные для своего времени идеи высказал Леонардо да Винчи: «Среди великих вещей, которые находятся меж нас, *существование ничто* величайшее. Оно пребывает во времени и в прошлое и будущее простирает свои члены, коими захватывает все минувшие дела и грядущие, как неодушевленной природы, так и существ одушевленных, и ничего не имеет от неделимого настоящего» [11, с. 162-163]. При этом следует кое-что иметь в виду: во-первых, «ничто не распространяется на сущность какой-либо вещи» [Там же, с. 163], так сказать, *ex nihilo nihil fit*, и, во-вторых, в модусе настоящего «ничто не имеет существования, поскольку там, где было бы ничто, должна была бы налицо быть пустота» [Там же, с. 162]. Под пеленой забвения сокрыто прошлое и будущее, и только недостижимое для пустоты настоящее является фундаментом бытия.

Предположения, высказанные в преддверии Нового времени Леонардо да Винчи и подкреплённые экспериментами Э. Торричелли и Б. Паскаля, стали настоящим нонсенсом: пустота в природе действительно имеет место быть. Р. Декарт и Г. В. Лейбниц же были верны аристотелевской традиции: первый назвал протяжённость атрибутом материи, второй утверждал, что принцип достаточного основания исключает возможность пустоты. Другими словами, пустота не является необходимой, ведь мы живём в «лучшем из возможных миров». Далее Г. В. Лейбниц прибегает к телеологическому аргументу: «Я полагаю, что вещи были наделены всем тем совершенством, которое Бог мог им придать, не нарушая других совершенств. Если представим себе сейчас абсолютно пустое пространство, то Бог мог наполнить его материей, ни в малейшей степени не вредя всем другим вещам; значит, он это действительно и сделал, значит, нет совершенно пустого пространства и всё наполнено» [9, с. 456-457]. Философ приходит к выводу, что «в природе есть порядок, по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто» [10, с. 234]. Совсем иная трактовка пустоты принадлежит Дж. Локку, который сравнивал разум человека с *tabula rasa*. Именно от нас самих, от наших усилий зависит, станет ли «чистая восковая дощечка» манускриптом, или же она так и останется наброском, черновиком несбывшихся потенций.

Согласно М. Хайдеггеру, предметом философской рефлексии выступает сущее и *кроме него Ничто* [17, с. 25], причём это «Ничто» «с большой буквы». Выделенное курсивом не просто конфигурация речи, «Ничто» упомянуто не случайно. Если наука Ничто игнорирует, то метафизика его проблематизирует. Когда разговор заходит о Ничто, разум впадает в антиномию: с одной стороны, «Ничто есть нечто, которое тем или иным образом “есть” – словно некое сущее» [Там же, с. 26]; с другой – оно «есть отрицание всей совокупности сущего, оно – абсолютно не-сущее» [Там же]. С точки зрения логики, Ничто – *пустое понятие*, объём которого равен нулю; на языке онтологии Ничто – *непустое понятие*, в котором сокрыто *понятие о пустоте*. Единомышленником М. Хайдеггера был Х. Л. Борхес. Аргентинский писатель, переименовав Г. В. Лейбница, сначала прокладывает путь «от некто к никто», а затем погружается в размышления о пустоте: «Не быть значит больше, нежели быть чем-то, и в каком-то смысле означает быть всем» [3, с. 346]. Пустота для него как «Чёрный квадрат» К. Малевича: каждый видит ровно столько, сколько хочет увидеть.

Первыми о пустоте как животворящей силе бытия заговорили даосы. Им удалось постигнуть абсолютность и тотальность пустоты: в отличие от западных коллег их интересовали не *физические*, а *метафизические* аспекты таковой. Восточные мудрецы не приемлют западной максимы о том, что «пусто место свято не бывает». Напротив, твердят они в унисон, по-настоящему сакральна лишь пустота. Пустоту бытия и полноту небытия в Древнем Китае олицетворяет Дао. В этом понятии нашло отражение даосское понимание пустоты как порождающего принципа бытия: «Дао пусто, но благодаря ему существует всё и не переполняется. Дао служит опорой всей тьме вещей. Оно наполняет собою весь мир, не убавляясь и не прибавляясь, и не похоже,

что когда-нибудь наступит ему конец. Действует подобно молоту кузнеца, оттачивая суть вещей, и потому в мире нет ничего постоянного» [7], – кроме него самого. «Всё происходит из Дао, но растёт всё благодаря силе Дэ, благодаря ей обретает форму, становясь вещью, благодаря ей завершает свой путь, обретая своё назначение» [Там же]. Дэ – своеобразная призма, через которую преломляется Дао, это залог многообразия вещей. В терминологии аристотелевских причин: Дао – материальная (*хотя само оно не материально*) и движущая причина, Дэ – формальная и целевая. Дао ответственно за архитектуру вещи, Дэ – за её внутреннюю структуру. Вкупе Дао и Дэ конституируют сущее: так рождается вещь.

Дао обладает амбивалентными характеристиками: то оно предстаёт как «глава рода» и «мать всех вещей», то вдруг оказывается, что «оно не имеет названия», поэтому «о нём невозможно поведать» [Там же]. По первым двум атрибутам можно судить о Дао как некоем сущем, по двум другим – делаем вывод о Дао как «Бесчувственно Великом Ничто» (метафора К. Бальмонта). В этом смысле апофатическое богословие куда выгоднее катафатического: ведь, *как говорится, «говорить – всё равно что погрязнуть в тавтологиях»* [2, с. 133]. В одном случае мы просто присваиваем Абсолюту индексы, которые угодны нашей душе, и тем самым ограничиваем его. «Определить – значит ограничить» [15, с. 195]: так бесконечное становится конечным, *о-пределённым*. В другом, отрицая эти индексы, мы оставляем целый спектр возможностей, которыми Абсолют мог бы быть. В четвёртой главе «Дао дэ цзин» говорится, что «Дао пусто» [7]. Возникает вопрос: а пустота – это позитивное или негативное качество? Свойство ли это вообще? Или же это отрицание всех свойств и акциденций? В одиннадцатой главе «Дао дэ цзин» содержится развёрнутая сентенция о пустоте: «Ступицу окружают тридцать спиц, но пользоваться повозкой позволяет пустота отверстия в ступице. Мнут глину, чтобы вылепить сосуд, но пользоваться сосудом позволяет его пустота. Строя дом, проделывают дверь и окна, но пользоваться домом позволяет его пустота. Приносит *пользу* то, что в них имеется, но *пользоваться* ими позволяет то, чего в них нет» [8, с. 447]. Выделенные курсивом понятия здесь не являются синонимами: утилитарной может быть только вещь, пустота – нет. *Именно пустота как отсутствие вещественности делает вещь вещью*. Пустота в даосизме наделяется не только онтологическим, но и аксиологическим статусом: она и исток, и храм бытия. «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» становится понятным, что для восточного менталитета «пустота – высшее имя для того, что европеец скорее всего назвал бы словом “бытие”» [16, с. 392]. Вспомним заключение, к которому пришёл И. Кант: бытие (собственно, как и пустота) не может быть предикатом. Пустота здесь сродни субстанции.

Даосская пустота божественна: её безграничные возможности могут сравниться разве что с неисчерпаемыми потенциями христианского Логоса. С другой стороны, когда богослов говорит о возникновении мира «из ничего», что именно он имеет в виду? Может быть, речь идёт о негации, тотальном отрицании всего и вся? То ли это «из ничего» и есть «зародыш» бытия? *Для христианина ответ «лежит на поверхности», для даоса он «витает в воздухе»*. Снова обратимся к компаративистике: теперь подвергнем историко-философской рецепции само понятие Дао. Дао как бездонный колодец, скважина бытия, в недрах которой пребывают мириады вещей. Так же устроена и Хора Платона: она «вечна, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся» [12, с. 455]. Хора «являет собой как бы сито, как это бывает при провеивании зерна и отсеивании мякины: плотное и тяжёлое ложится в одном месте, рыхлое и лёгкое отлетает в сторону и находит для себя иное пристанище» [Там же, с. 456] – так возникли четыре стихии природы. Во втором случае Хора даже больше напоминает даосскую силу Дэ. В абсолютном максимуме Кузанца, в котором совмещаются и совпадают даже противоположности, мы тоже без труда узнаем «отголосок» Дао: «Максимум ничему в мире не тождествен и ни от чего не отличен, но всё в нём, из него и через него» [6, с. 83]. В абсолютном максимуме, как и в Дао, всё существует в «свёрнутом» виде; как говорит Николай Кузанский, это возможность-бытие. Дао – лишь пустота, «центр которой повсюду, а окружность нигде» [Там же, с. 134].

В современной культуре топика пустоты – по-прежнему предмет табу. *Сегодня разговоры о пустоте стали синонимом «пустых разговоров»* (не зря говорят «переливать из пустого в порожнее»). Мы, как и наши античные предки, также боимся пустоты. Каждый из нас словно тургеневский Базаров, который, собирая чемодан, вдруг обнаружил, что в нём «оказалось пустое место, и он кладёт туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было» [14, с. 169]. Но вот что странно: чем больше усилий мы прикладываем, чтобы её спрятать и замаскировать, тем сильнее она даёт о себе знать. Вот ещё одна тенденция, которая сегодня имеет место быть: категория пустоты из онтологического дискурса переключалась в антропологический. Пустота из «утопии усталого человека» (Х. Л. Борхес) становится его зеркалом. Век видимого благополучия оборачивается столетием благополучной видимости. За внешним лоском глянцевого покрытия, как правило, зияет пустота. Сегодня человек становится пустотелой куклой, которой безразличен даже собственный внутренний мир.

А что спрятано в Вашем «жизненном чемодане»?

Примечание: воспроизводя сентенции Лао-цзы, автор во всех случаях, кроме последнего, прибегает к переводу А. В. Кувшинова. Выдержка из одиннадцатой главы трактата дана в переводе И. И. Семененко.

Список источников

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М. – СПб.: Эксмо; Мидгард, 2008. С. 11-162.
2. Борхес Х. Л. Вавилонская библиотека // Борхес Х. Л. Сочинения: в 4-х т. СПб.: Амфора, 2011. Т. 2. С. 126-134.
3. Борхес Х. Л. От некто к никто // Борхес Х. Л. Зеркало загадок. М.: АСТ, 2014. С. 343-346.
4. Кузанский Н. Берилл // Кузанский Н. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. С. 95-133.

5. Кузанский Н. О возможности-бытии // Кузанский Н. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. С. 135-181.
6. Кузанский Н. Об учёном незнании // Кузанский Н. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1980. Т. 1. С. 47-184.
7. Лао-цзы. Дао дэ цзин [Электронный ресурс] / пер. с древнекит. А. В. Кувшинова. URL: http://lib.ru/POECHIN/lao3.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 29.05.2017).
8. Лао-цзы. Дао дэ цзин / пер. с древнекит. И. И. Семенов // Конфуций. У истоков мудрости. М.: Эксмо, 2008. С. 445-467.
9. Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 430-528.
10. Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 234-236.
11. Леонардо да Винчи. О силе, движении, времени и бесконечном // Леонардо да Винчи. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. Т. 1. С. 156-165.
12. Платон. Тимей // Платон. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 421-500.
13. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 726 с.
14. Тургенев И. С. Отцы и дети. СПб.: Наука, 2008. 622 с.
15. Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Уайльд О. Портрет Дориана Грея: роман. Рассказы. Пьесы. М.: Правда, 1987. С. 5-224.
16. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 379-418.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 23-37.

SACRAL AND SECULAR MEANINGS OF EMPTINESS

Nikulina Anzhelika Gennad'evna, Ph. D. in Philosophy
Kursk State Medical University
angelica2301@mail.ru

The author turns to the fundamental concept of ontology and metaphysics as a whole implicitly revealing both traditional, secular connotations of emptiness, and non-classical, sacral aspects of it. In the article a comparative analysis of eastern and western approaches to comprehension of emptiness is realized: if the latter interprets nothingness of emptiness, then the former identifies it with being, or rather with possibility of being. In conclusion, the researcher mentions the existential-anthropological dimension of emptiness that long ago became a dimension of our own inner world.

Key words and phrases: emptiness; existence; non-existence; nothing; Tao; Plato's Chora; Nicholas of Cusa's absolute maximum; Borges's Alef.

УДК 93/94; 903

Исторические науки и археология

В статье затрагивается проблема исторического развития феномена «информационной войны». Главной характеристикой данного явления стало использование пропаганды через средства массовой информации в качестве инструмента влияния на общественное мнение. Изучаемая проблематика освещается через призму событий второй англо-бурской войны, когда главные печатные издания Великобритании развернули масштабную пропагандистскую кампанию в борьбе за формирование определенного отношения к причинам, основным событиям и итогам этого конфликта.

Ключевые слова и фразы: пропаганда; общественное мнение; средства массовой информации; англо-бурская война; бур; уитлендер.

Новичков Алексей Валерьевич, к.и.н.

Резников Алексей Анатольевич, к.и.н.

Государственный гуманитарно-технологический университет, Московская область, г. Орехово-Зуево
aleks_nov1993@mail.ru; alehus@inbox.ru

ПРОПАГАНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

В последние годы термин «информационная война» стал крайне популярен в российских средствах массовой информации и прочно вошел в сознание рядового обывателя. Современный уровень развития информационных технологий стер границы между государствами в информационном пространстве и создал беспрецедентные возможности для влияния на сознание членов любого человеческого общества, располагающего соответствующими техническими средствами. Главным инструментом подобного воздействия является пропаганда определенных идей и ценностей с целью формирования требуемого общественного мнения. Ярким примером эффективности такого метода является современная Украина, где СМИ уже несколько лет успешно рисуют картину «революционных событий» на фоне банального государственного переворота. Тем не менее технология «информационной войны» не является изобретением XXI века, и элементы ее зарождения относятся еще к эпохе античности.

Долгое время использованию пропаганды как оружия мешали определенные технические ограничения, которые не позволяли охватывать широкую общественную аудиторию. Лишь с бурным развитием печатных